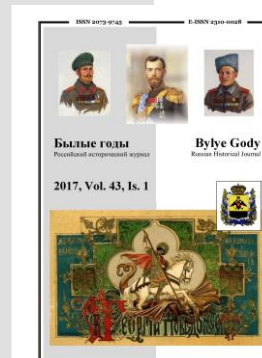

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 238-247, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.238
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 904

The Influence of State-Confessional Policy on the Situation of Muslim Organizations in Western Siberia in 1905 – the beginning of 1917 years

Petr K. Dashkovskiy^{a, *}, Elena A. Shershneva^a

^a Altay State University, Russian Federation

Abstract

The article discusses the situation of Muslim communities in Western Siberia in the period between the two Russian revolutions (1905 – the beginning of 1917 years) in the framework of the government's state-confessional policy. Based on the analysis of archival documents and legal acts the authors conclude that the attitude of the state towards muslims in the Russian empire, despite all political changes, was based on the attempts to consolidate the indigenous component with the Russian ethnos. The events of 1905 year engendered from the muslim population of the country hope to change their situation, and strengthened the desire to religious autonomy. However, the government continues to build its policy so that controlled virtually all spheres of life of the Muslim community. The events of the First Russian revolution contributed to the birth of activity in the muslim world in defending their rights, which led to the manifestation of some exemptions from the state in relation to the Ummah. It was during this period muslims see an opportunity to assert their rights at the legislative level, form their own political movements and are part of the State Duma. Quite noticeable was the participation of Muslims in the Russian army during the First world war. In this regard not by chance that the muslims received the right to perform prayers and approval of the clergy of the muslim faith to the troops. In this case they were equalized in rights with the regimental priests. At the same time, despite the active position of the muslim community, however, by the beginning of 1917 still have quite a lot of unresolved issues and problems related to the device life of the muslim community. One of the most difficult and unsolved problems remained a problem of national education for the aboriginal population professing islam.

Keywords: Islam, Russian Empire, Church-state policy, Mullah, madrassa, Siberia

1. Введение

Начало XX в. ознаменовалось для России рядом серьезных политических потрясений, связанных с революционными событиями внутри страны и Первой мировой войной. Данные процессы оказали существенное влияние на курс государственно-конфессиональной политики, проводимый правительством. Отдельное внимание в такой политике отводилось мусульманским народам Российской империи. К началу XX в. мусульмане, ставшие в стране второй по численности приверженцев концессией, оказались в центре политических преобразований. Это не могло не сказаться на внутреннем устройстве религиозной общины. Принятие 17 апреля 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости» ([Полное собрание законов Российской империи, 1908: 256–262](#)) стало новой отправной точкой по включению мусульманского населения в политические процессы, происходившие в данный период в стране.

* Corresponding author

E-mail addresses: dashkovskiy@fpn.asu.ru (Petr K. Dashkovskiy), D2703@yandex.ru (Elena A. Shershneva)

2. Материалы и методы

Наиболее объективно рассмотреть роль мусульманских общин в контексте государственно-конфессиональной политики и политических потрясений в стране в начале XX в. позволяют архивные материалы, а так же правовые акты данного периода. Архивные источники представлены циркулярными распоряжениями, прошениями мусульман и письмами, направленными представителями мусульманского духовенства на имя Императора. Особое значение имеют законодательные акты по регулированию жизни мусульманских общин в российском государстве. При подготовке статьи использовались, прежде всего, материалы Центрального государственного исторического архива Республики Башкортостан, Государственного архива Томской области и Государственного архива г. Тобольска. Статья построена на методологических принципах историзма, которые позволяют рассматривать процессы, происходившие в стране через призму государственно-конфессиональной политики в отношении мусульманских народов. В методической части при подготовке статьи авторы использовали проблемно-хронологический и ретроспективный методы. Проблемно-хронологический метод позволил рассмотреть государственную политику в отношении мусульманских народов в период политических потрясений в 1905 – начала 1917 гг., а также установить особенности правового регулирования образа жизни мусульманских общин в Российской империи. Ретроспективный метод дал возможность выявить причины возросшей активности в мусульманской среде в начале XX столетия.

3. Обсуждение

Проблемами положения мусульманских общин на территории Российской империи в начале XX в. занимались С.М. Исхаков, И.В. Нам, Д.В. Прахт, Л.М. Дамешек и некоторые другие исследователи. В работах данных авторов указывается на активную роль мусульманского населения после революционных событий 1905 г., которые стали переломным моментом в судьбе мусульманской уммы Российской империи (Исхаков, 2007; Нам, 2009). Отдельное внимание учеными уделялось проблемам реформирования системы школьного конфессионального образования, как института по формированию нового типа мусульманской интеллигенции (Прахт, 2011; Нам, 2009; Нам, 2000). Другим направлением научного изучения положения мусульманских общин в начале XX в., становится проблема их взаимоотношения с Русской православной церковью, которая фактически являлась государственным институтом (Файзрахманов, 2002; Дамешек, 1986). Особое место в вопросе положения мусульман Российской империи в период между двух революций, занимает проблема участия инородческого населения в вооруженных силах. Исследователями неоднократно отмечена особая преданность мусульман русскому государству, которая наиболее наглядно проявилась именно в период Первой мировой войны (Абдуллин, 2006; Абдуллин, 2007; Загидуллин, 2006; Жильцов, 2007).

4. Результаты

В рамках изучаемой проблематики статьи было установлено, что политика государства в начале XX в. ставила своей задачей полный контроль за жизнью мусульманской общины страны, в т.ч. и в Западной Сибири. Особое внимание правительство уделяло системе инородческого школьного образования, так как именно оно формировало новый тип мусульман, способных отстаивать свои права и интересы. Проблема школьного инородческого образования вставала перед государством еще в XIX в., когда были сформулированы основные принципы национального образования. В основу школьного образования в тот период были положены разработки Н.И. Ильминского, построенные на принципах русификации и христианизации инославного компонента в Российской империи. Данная система не принесла желаемых результатов, а напротив, привела к появлению новой интеллигенции среди мусульманского населения и к формированию национального самосознания (Нам, 2009: 103; Христианское просвещение..., 2012: 18–25).

Следует отметить, что наметившиеся в начале XX в. преобразования в стране, привели к проявлению активной политической позиции мусульман. Это обстоятельство не могло не обеспокоить правительство. Единственной мерой, способной сдержать зарождающуюся активность среди мусульман, государство видело в реформировании именно школьного образования. В связи с этим Министерством народного просвещения в 1904 г. была организована проверка системы народного образования, которую возглавил тайный советник А.С. Буделович. В мае 1905 г. состоялось совещание, на котором были подведены итоги проверки и поставлен вопрос об отношении правительства к системе мусульманского образования. Одним из важнейших моментов данного совещания стала проблема определения роли государства в устройстве мусульманской системы образования, т.к. оно тесным образом было связано с конфессиональной составляющей (Бурдина, 2007: 278–279; Шершнева, 2012: 266). Результатом данного собрания стало принятие Министерством народного просвещения 31 марта 1906 г. правил контроля системы инородческого образования в Российской империи. Следует подчеркнуть, что данные правила были крайне враждебно встречены мусульманской общественностью. Вмешательство государства в сферу конфессионального образования приводило, по ее мнению, к потере национального самосознания, т.к. осуществлялось насильственное приобщение к русской культуре. Мусульманская общественность сочла необходимым

обратить внимание на уже сложившуюся стройную систему школьного образования в мусульманской среде, представленную такими учебными заведениями, как медресе и мектебе. Данные учебные заведения имели свою программу, а так же учебную литературу и были направлены не только на решение образовательных задач, но и на воспитание религиозности в мусульманской среде. Поставленные перед мусульманскими учебными заведениями задачи, по мнению верующих, никак не могли решать чиновники, являющиеся представителями Министерства народного просвещения. В связи с этим мусульманская общественность полагала, что данные учебные заведения могут подчиняться только Оренбургскому магометанскому духовному собранию. В рамках установления некоторых компромиссов, отмечалось, что мусульмане нуждаются в создании нового типа школ. Однако это должны были быть сельскохозяйственные и технические школы, которые позволят подрастающему поколению приспособиться к условиям жизни и не будут касаться религиозных устоев мусульманской общины (ЦГИР РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 95–97).

В связи с недовольством принятыми правилами организации инородческого образования, Оренбургским магометанским духовным собранием было составлено обращение к правительству, где подробно указывались те пункты, которые противоречили устройству мусульманского образа жизни. В свою очередь, мусульманской фракцией было подано прошение на рассмотрение Государственной Думы об отмене указанных правил (ЦГИР РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 115–117об.). В результате активной позиции мусульманской общественности принятые правила были отменены, а вместо них 1 ноября 1907 г. были приняты Правила о начальных училищах для инородцев. Данный документ сделал значительные уступки в формировании системы школьного мусульманского образования и в первую очередь, это касалось языка преподавания. Согласно новому документу разрешалось использование родного языка в рамках преподавания, но только в качестве дополнительного (Национальная политика России..., 1997: 132).

Нужно подчеркнуть, что представители мусульманской интеллигенции, ведя активную борьбу с вмешательством правительства в систему национального школьного образования, видели потребность в её реформе. В частности, И.Б. Гаспринским были разработаны новые принципы системы школьного мусульманского образования, получившее в дальнейшем название «новометодных» школ. Именно в рамках данных учебных заведений формировалась новая мусульманская интеллигенция, проявившая себя активно в первые полтора десятилетия XX в. (Практ, 2011: 34). Мусульмане-«прогрессивисты» видели своей задачей приближение конфессиональной школы к европейскому уровню. Они считали необходимым введение ряда светских наук в медресе, но вмешательство в духовную составляющую образования считали недопустимым (Нам, 2000: 78). Особое внимание уделялось языку, на котором преподавались предметы. Так, И.Б. Гаспринский видел необходимость изучения русского языка, но только в системе Высшего образования. В начальных школах для получения общеобразовательных, а также прикладных знаний, более полезным считалось преподавание на родном языке, который оказывал влияние и на воспитание подрастающего поколения (Гаспринский, 1992: 111).

Несмотря на все попытки преобразования системы мусульманского образования, религиозное воспитание оставалось одним из важнейших вопросов. Именно за неизбежность религиозных традиций выступала даже прогрессивная общественность, понимая потребность в реформировании системы самого образования. Особая роль в системе мусульманского школьного образования отводилась духовенству, что вызывало обеспокоенность со стороны государства. В связи с этим правительство всячески стремилось ограничить влияние духовных лиц в рамках системы образования. В частности, министром внутренних дел С.Е. Крыжановским, занимающим данную должность с 1906 г., было отправлено обращение к Оренбургскому магометанскому духовному собранию. В обращении указывалось со ссылкой на законодательство, что преподавание в обязанности духовенства не входит (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 12; Свод законов Российской империи, 1912: 135). Подобного рода обращения были не единичны. Так, еще в 1905 г. правительство обратилось к Оренбургскому магометанскому духовному собранию с просьбой издать циркулярное предписание, по которому следовало запретить выдачу свидетельств лицам иностранного происхождения, ведущих активную просветительскую деятельность среди мусульманского населения (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 263–263об.). Данные распоряжения были не случайны, так как к началу XX в. на территории Российской империи активизировали деятельность зарубежные духовные лидеры, активно ведущие проповедь и среди мусульманского населения страны. Полученные ими знания никакой проверки со стороны Оренбургского магометанского духовного собрания не подвергались. В этой связи, по мнению Министерства внутренних дел, распространение неподконтрольных религиозных идей может напрямую угрожать государственным интересам (ЦГИР РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 53).

Следует обратить внимание на то, что к 1910 г. созданные по системе И.Б. Гаспринского «новометодные» школы, перешли на светскую систему образования. При этом были оставлены некоторые послабления, в т.ч. изучение арабского и персидского языков, вместо греческого и латинского (Духовные ценности ислама..., 2008: 61). Формирование данных школ привело к увеличению в 1913 г. числа мусульман, обучающихся в светских учебных заведениях (Исхаков, 2007: 306). «Новометодные» школы вызывали особое опасение со стороны правительства, так как порождали новый тип

мусульманской интеллигенции, способной отстаивать свои права. В этой связи не случайно, что в период с 1912 по 1913 гг. правительство приняло решение о закрытии «новометодных» школ в Западной Сибири (Нам, 2000: 84). В связи с множеством послаблений, допущенных правилами 1907 г., правительство лишилось контроля за мусульманскими общинами в сфере образования. Ведение преподавания на родном языке не способствовало освоению русского языка, а также противоречило интересом государства в непростой для него период. Результатом анализа сложившейся ситуации, стало изменение и ужесточение правил для начальных школ. 14 июня 1913 г. был принят по инициативе министра народного просвещения Л.А. Кассо новый документ под названием «Правила о начальных училищах для инородцев». Согласно новым правилам существенно усиливался контроль за мусульманским образованием, а также вводилось обязательное изучение русского языка даже в младших классов (Нам, 2009: 105).

Нужно отметить, что принятие новых правил вызвало опасение со стороны мусульманской общественности. Создание правительством нового типа учебных заведений, сформировало недоумение в мусульманской среде, т.к. в них выдвигались особые требования к учителям. Одним из требований новых правил становится обязательное отсутствие духовного звания учителя и знание русского языка. Особенно это требование распространялось на учителей мусульманского права и татарского языка (ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 17. Л. 65). Министерство народного просвещения обосновывало данные меры тем, что во многих мусульманских школах большое внимание уделялось изучению молитв, а не наукам, что не способствовало интеграции мусульманского населения в единый русский народ (ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 505). В результате такой государственной позиции началось закрытие ряда мусульманских школ, т.к. они получали разрешение на свое существование согласно ранее принятым правилам и не учитывали требования 1913 г. Такая ситуация наглядно наблюдалась в разных регионах страны, в т.ч. и в Западной Сибири, например в г. Барнауле (Нам, 2009: 105). Второе десятилетие XX в. ознаменовалось окончательно установившемся контролем со стороны государства за инородческими школами. В 1915 г. Департамент духовных дел иностранных исповеданий потребовал, чтобы Оренбургское магометанское духовное собрание предоставило всю учебную документацию, на основе которой строилась система конфессионального образования (ЦГИР РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 347. Л. 55).

После принятия в 1905 г. Указа «Об укреплении начал веротерпимости» мусульмане ожидали от правительства существенных изменений в своей жизни. Однако вместо этого государство стремилось всячески сдерживать зарождение новых идей в мусульманской общественной мысли (Исхаков, 2007: 309). Основным помощником в решение поставленных перед собой задач, правительство видело Русскую православную церковь. Интеграцию мусульманского населения империи в единый русский народ государство всегда рассматривало, прежде всего, через принятие православия. Главным орудием имперской власти в этом вопросе становится миссионерская деятельность, проводимая Русской православной церковью. Еще начиная с 1887 г. в рамках миссионерских съездов рассматривались вопросы, касающиеся успеха привлечения мусульманского населения к православной традиции. Данный успех был зачастую связан с поддержкой со стороны правительства путем предоставления льгот новокрещенным. В 1910 г. в Казане в рамках миссионерского съезда поднимался вопрос о возврате крещеных мусульман в исламскую традицию. Этот вопрос был затронут не случайно, т.к. после принятия в 1905 г. Закона о началах веротерпимости (Свод законов..., 1912: 75), мусульмане, ранее принявшие православие с целью получения экономических поощрений, существенно утратили глубину религиозной веры. Определенным подтверждением того, что мусульмане искали выгоду в принятии православия, служит, например, прошение ссыльного крестьянина Енисейской губернии Красноярского уезда на имя Томского епископа от 1907 г. В этом прошении он просит разрешить ему принять православие в связи с тем, что исполнять нормы ислама в Сибири проблематично (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3307. Л. 75–75об.). И такого рода прошения были далеко не единичны. Указанное прошение не имело под собой реальных оснований, т.к. в нем говорилось об отсутствие в Сибири мечетей и мусульманского населения. Однако, согласно имеющимся данным, в Западной Сибири уже к 1851 г. действовало 188 мечетей (Файзрахманов, 2002: 364). Следует, конечно, отметить, что мечети имелись не во всех населенных пунктах, а строительство их велось на основании действующего законодательства, в котором их постройка исчислялась количеством душ мужского пола на один приход. Исходя из законодательных нормативов, к началу XX в. на территории Томской губернии имелось 48 мечетей, которые согласно статистическим данным, посещало 8539 мусульман мужского пола (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 2. Д. 8. Л. 835 об.–884).

Важно обратить внимание на то, что возвращение крещенного мусульманского населения в ислам рассматривается как вопрос не только сугубо церковный, но и на государственном уровне. Неслучайно Русской православной церковью были разработаны меры по прекращению данного процесса как в Западной Сибири, так и на территории всей Российской империи. Так, 15 июля 1905 г. Томским и Барнаульским архиепископом были приняты правила для принятия в православную веру лиц иудейского и мусульманского вероисповедания. Согласно этим правилам, крещение мусульманина становилось не формальным актом, совершенным священником, а осознанным решением. Священник должен был, прежде всего, наставлять желающего принять православие. Только убедившись в его готовности креститься, священник мог об этом доложить епархиальному

начальству, приложив необходимую расписку. В тоже время миссия священника не ограничивалась только вопросами крещения. Согласно данным правилам священник должен был и после самого крещения нового последователя православия наставлять и контролировать его в вопросах соблюдения правил христианской веры (ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3307. Л. 20–21).

Необходимо подчеркнуть, что с принятием закона о веротерпимости в некоторой степени обостряются межконфессиональные отношения. Мусульманские муллы видят свою задачу, прежде всего, в том, чтобы начать активную открытую проповедническую деятельность среди мусульманского населения. Православная церковь в свою очередь терпит неудачи на миссионерском поприще, поэтому не случайно уже в 1906 г. снижается количество инородцев, желающих креститься. В рамках деятельности Алтайской духовной миссии не было крещено ни одного представителя мусульманского вероисповедания. В Киргизской миссии число новообращенных в православие составило лишь 19 человек, из которых киргизов (казахов) всего 8 (Дамешек, 1986: 156).

Усиление роли мусульманского духовенства, а также попытка возрождение национального самосознания, стимулировало активность со стороны конфессиональной общественности, направленную на улучшение жизни общины. В результате мусульмане стали посылать обращения в губернские органы власти с ходатайствами о содействии им в устройстве религиозной жизни. Свидетельством этого может служить ходатайство переселенцев Тобольской губернии 1914 г., о выдаче ссуды или безвозвратного пособия на сооружение школьного здания (ГБУТО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 815. Л. 1а). Дальнейшее содержание этого учреждения община гарантировала уже за свой счет.

Мусульманская община, как правило, выбирала доверенное лицо, которое должно было вести переписку с губернскими органами о разрешении на строительство культового здания и отстаивании прав его доверителей. Так, например, в 1910 г. Н. Шагабетдиновым было отправлено прошение от общины г. Кургана о разрешении на постройку мечети. Строительство здания община обязывалась выстроить за счет собственных пожертвований. При этом к прошению уже сразу был приложен проект строительства (ГБУТО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 783. Л. 10б.). Однако правительство не стремилось к содействию развития мусульманских общин, а напротив всячески сдерживало обустройство религиозной жизни. Об этом, в частности, свидетельствуют затянувшиеся ответы на прошения мусульманской общины и запреты на строительство культовых зданий в связи с отсутствием в достаточном количестве финансов (Дашковский, Шершнева, 2015).

Следует подчеркнуть, что к началу XX в., несмотря на все попытки государства ограничить мусульман в их правах, они все более стали чувствовать реальную возможность выступать единым фронтом и отстаивать свои позиции. Постепенно начинает проявляться интерес и к общегосударственным вопросам, нашедший свое отражение в выборах в Государственную Думу. Несмотря на верность императорской власти, традиционной системе управления в мусульманской среде все больше начинает просыпаться стремление к познанию, интерес к политике, чувство собственного достоинства. Неслучайно 1905 г. стал годом зарождения новых идей в мусульманской общественной мысли (Исхаков, 2007). В рамках своей деятельности, мусульмане видели задачей не формирование новой политической системы, а в первую очередь, духовную независимость и развитие конфессионального образования (Алекторов, 1906: 133). Уже на I мусульманском съезде, состоявшемся в августе 1905 г. в Нижнем Новгороде, мусульманская интеллигенция выступила за уравнение мусульман в политических, гражданских и религиозных правах с русским населением Российской империи (Маркова, 2007: 75).

Необходимо отметить, что революционные события в стране способствовали определенной политизации ислама. Особенно это коснулось мусульманского движения джадидизма, распространенного на территории Томской губернии. Именно в рамках данного движения формируется мусульманская партия «Иттифак-эль-муслимин» («Союз мусульман») (Нам, 2009: 77). В 1905 г. делегатом на II съезд мусульман (1906 г.) был выбран от Томской губернии Хамза Хамитов. В мае 1906 г. в «Сибирской газете» был напечатан призыв к мусульманам Томска голосовать за список кандидатов «Союза 17 октября». Данный призыв свидетельствует о праволиберальной настроенности прогрессивной мусульманской общественности в рамках политических преобразований в стране. В 1909 г. в г. Томске зарегистрировали общество мусульман-прогрессивистов, получившее известность как самое деятельное движение не только в Сибири, но и в Европейской части России (Маркова, 2007; Нам, 2009: 78). В 1915 г. государством было принято решение о закрытии общества мусульман-прогрессивистов. Причиной его закрытия стала усилившаяся борьба государства с национальными организациями. Членов данного общества обвинили в причастности к панисламистским идеям. Однако запрет на его регистрацию со стороны государства не способствовал полному исчезновению этого движения. Представители мусульманской интеллигенции оказывали помощь, вели активную просветительскую работу. По просьбе джадидистов был открыт комитет помощи больным и раненым войнам (Маркова, 2007: 78). В 1916 г. мусульманское общество прогрессивистов возродилось с новым названием, как Мусульманское благотворительное общество, продолжив свою работу по просвещению мусульманского населения Томской губернии (Нам, 2009: 79).

Особенно пристальное внимание со стороны правительства было обращено к мусульманам в вооруженных силах. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война не могла не затронуть интересов и мусульман, проживающих на территории Российской империи. Вопросы, связанные с армией, участием мусульман в боевых действиях стали как никогда актуальными. Правительство видело своей

задачей воспитание патриотизма в мусульманской среде, а главную роль в этом должно было сыграть духовенство, численность которого к 1911 г. постепенно возросла (Фархштанов, 2006: 292). Несмотря на то, что правительство видело в мусульманском духовенстве союзника по воспитанию духа патриотизма в мусульманской среде, отношение к нему было крайне настороженным. Мусульманское духовенство испытывало на себе ряд ограничений, которые касались, в том числе и несения воинской повинности. Священнослужители-мусульмане освобождались от обязательной военной службы лишь до 1874 г., и только в 1912 г. данное право было восстановлено (Загидуллин, 2006: 68). При этом нужно подчеркнуть, что освобождение духовенства от воинской повинности не привело к увеличению его численности в вооруженных силах в качестве духовных наставников солдат.

Проблема присутствия мулл в войсках привела к созыву 15 февраля 1906 г. в Уфе совещания представителей уммы для решения вопроса о духовном устройстве жизни мусульман, несущих военную службу. На совещании муфтием было представлено письмо, направленное еще в 1903 г. Императору Николаю II, по проблеме упразднения должности военных мулл. В письме было указано, что численность мусульман, привлеченных на военную службу, составляла 40 тыс. человек. При этом их численность, в связи с осложнившимися политической обстановкой, постепенно увеличивалась. Так, в Сибири мусульман, несших военную службу в 1878 г. насчитывалось 840 человек, а к 1905 г. их число составляло уже 1279 человек (Андреев, 1994: 5). В связи с тем, что в войсках отсутствовали муллы, то от солдат на имя муфтия стали поступать жалобы об их угнетенном состоянии. Связанно это было, прежде всего, с невозможностью выполнения военнотрудовыми необходимыми духовными требами (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 81–810б.). На сложившуюся ситуацию обратил внимание лично Николай II, который дал распоряжение позаботиться об уволенных из войск муллах, а также провести анализ количества мусульман в войсках и оценить потребности выполнения ими культовых действий (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 82). Согласно статистическим данным в вооруженных силах Российской империи на 10 октября 1905 г. насчитывалось 275 мусульман-офицеров и около 30000 низших чинов. Несмотря на такое количество мусульман, иметь в военной части муллу высказали представители лишь трех военных округов. Военное начальство сочло это не столь необходимым, т.к. постоянных треб в мусульманской традиции нет. Особое внимание на совещание было уделено вопросу уравнения мусульманских мулл в материальном положении с полковыми православными священниками (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 84). На совещание было установлено, что в обязанности муллы должно входить отправление различных религиозных культов, а не только принятие присяги и погребение умерших людей. Достаточно остро ставился вопрос о необходимости увеличения численности мулл в войсках. Было так же предложено организовать отдельные мусульманские полки. Указывалась и необходимость на создание специальных помещений для совершения молитвы. По итогам совещания в Департамент духовных дел иностранных исповеданий были переданы следующие требования: увеличить число военных мулл; уравнять в правах духовных лиц мусульманского вероисповедания с полковыми священниками. Еще одно предложение заключалось в том, чтобы объединить мусульман в единые воинские части, т.к. их разобщенность приводила к не соблюдению религиозных обрядов и затрудняло воспитание нравственности (ЦГИА РБ. Ф. 295. Оп. 11. Д. 484. Л. 86 об.).

В годы Первой русской революции военнотрудовые мусульмане, надеясь на преобразования в стране, обратились с просьбой в Департамент духовных дел иностранных исповеданий о предоставлении им права на соблюдение обрядов, а также просили исключить из рациона питания свинину. Однако в 1906 г. мусульмане получили отказ в данной просьбе. Генеральным штабом по этому поводу давалось разъяснение, что в связи с разрозненностью и не многочисленностью военнотрудовых, исповедующих ислам, организация отдельного питания для них проблематична (Загидуллин, 2006: 61). В тоже время активная позиция мусульман в начале XX в. отстаивании своих прав привела к принятию 19 июня 1908 г. документа, утверждающего штатное мусульманское духовенство в военных частях. В рамках этого документа, муллы приравнивались в войсках в своих правах к священнослужителям других вероисповеданий (Абдуллин, 2006: 273; Полное собрание законов Российской Империи, 1911: 368).

Важно подчеркнуть, что, несмотря на все ограничительные меры, которые испытывали мусульмане в российской армии и опасения со стороны правительства в их приверженности к панисламизму, ими было принято активное участие в Первой мировой войне (Абдуллин, 2006: 275). При этом воинские части, сформированные из мусульман, в т.ч. и из Западной Сибири, достаточно активно функционировали в русской армии еще со второй половины XIX в. (Дашковский, Шершнева, 2014). Стремясь доказать свою лояльность и патриотизм российскому государству в 1914 г. мусульманами был сформирован передовой санитарный отряд. Кроме того, мусульманами Сибири был образован комитет по оказанию помощи войнам и их семьям (Нам, 2009: 79).

Одним из основных источников информации для мусульман, непосредственно не участвовавших в военных действиях, была татарская пресса. В тоже время согласно «Временному положению о военной цензуре» от 20 июля 1914 г. все газеты, не входившие даже в районы военных действий, подвергались строжайшей цензуре. С целью предупреждения появления не желательных для правительства сведений о войне, при Военно-окружных штабах были созданы цензурные комиссии. Помощником в формировании патриотизма в мусульманской среде становиться духовенство, которое так же через прессу выражало волю государства. В ноябре 1914 г. муфтий

М. Султанов выступил с обращением к мусульманскому духовенству по вопросу вступления в войну Турции. Муфтий указал на необдуманность Турецкого правительства, вступившего в данную войну, которая не несла никакой религиозной окраски (Гатауллина, 2008: 136).

Преданность мусульманских народов Российской империи и лично Николаю II были особо отмечены в начале войны в 1914 г. на заседании Государственной Думы (Исхаков, 1999: 420). Несмотря на то, что благонадежность мусульманского населения страны неоднократно подтверждалась как офицерами, так и была отмечена военным министром А.А. Поливановым, контроль за ней в военные годы не уменьшался. Особое внимание уделялось проверке писем, отправляемых мусульманами своим родным. Кроме того, к каждому солдату-мусульманину негласно был приставлен русский солдат (Исхаков, 2004).

В тоже время нельзя не отметить определенные антимусульманские настроения части российской общественности. Такие настроения негативно сказывались на мусульманах, которые старались вести максимально закрытый образ жизни. В результате уже к 1915 г. некоторые зажиточные мусульмане склонны были поддерживать благотворительные общества и школы, но не собирать средства на нужды русской армии (Гатауллина, 2008: 138).

Нужно подчеркнуть, что еще в 1909 г. впервые был поднят вопрос об ущемлении в правах солдат мусульманского вероисповедания, в связи с отсутствием законодательного закрепления за ними права на совершение молитвы (Загидуллин, 2009). В конечном итоге, преданность русскому правительству и активность мусульманской интеллигенции позволили отстоять право военнослужащим-мусульманам совершать молитвы, а также получить освобождение от службы во время религиозных праздников (Сенюткина, 2006). В тоже время, несмотря на все послабления, рост численности мусульман в вооруженных силах по-прежнему вызывал опасения со стороны правительства, поэтому мусульманам, как правило, оставались не доступными высшие военные должности. В 1914 г. в русской армии насчитывалось 40590 офицеров и генералов. При этом мусульмане составляли из этого списка 400 человек (Жильцов, 2007: 130).

5. Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что, несмотря на политические преобразования в начале XX в., тем не менее, кардинальных изменений положения мусульманских общин в системе государственно-конфессиональных отношений не произошло. Правительство по-прежнему видело определенную угрозу государственного единства страны в мусульманском компоненте и прибегало к помощи административного ресурса и Русской православной церкви в решение данной проблемы. С одной стороны, усиление роли мусульман в общественной жизни страны, создание политической партии и общественных движений, вхождение в состав Государственной Думы способствовали получению ряда послаблений со стороны правительства. В частности, было дано разрешение на совершение молитв и допущения мулл в войска с уравнением их в правах с полковыми священниками. С другой стороны, стремление мусульманской уммы получить религиозную автономию, и надежды на преобразования внутри страны, остались для мусульман Российской империи на этом этапе не реализованными. Ситуация в области свободы совести кардинально измениться в стране только в период революций, которые произойдут в эпохальный 1917 г.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект №33.2177.2017/ПЧ).

Литература

- Абдуллин, 2007 – Абдуллин Х.М. Воинская служба крымских татар в Российской империи // *Военно-исторический журнал*. 2007. №1. С. 49–54.
- Абдуллин, 2006 – Абдуллин Х.М. Мусульманское военное духовенство в конце XIX – начале XX веков // *Татарские мусульманские приходы в Российской империи* / отв. ред. и сост. И.К. Загидуллин. Казань, 2006. С. 271–276
- Алекторов, 1906 – Алекторов А.Е. Иногородцы в России. СПб., 1906. 134 с.
- Андреев, 1994 – Андреев С.М. Казаки-мусульмане в Сибирском казачьем войске (вторая половина XIX – начало XX веков) // *Ислам, общество, культура* / отв. ред. Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев. Омск, 1994. С. 5–8.
- Бурдина, 2007 – Бурдина Е.Л. Позиция российского правительства по вопросу «иногородческого» образования в начале XX века // *Вопросы образования*. 2007. № 3. С. 278–287
- Гаспринский, 1992 – Гаспринский И.Б. Русское мусульманство // *Этнографическое обозрение*. 1992. №6. С. 110–116
- Гатауллина, 2008 – Гатауллина Л.Р. Татарская пресса 1914–1915 гг. об отношении российских мусульман к Первой мировой войне // *Ученые записка Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008. №1. С. 133–139.

ГБУТО – Государственное бюджетное архивное учреждение г. Тобольска.

ГАТО – Государственный архив Томской области.

Дамешек, 1986 – Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и нарды Сибири (XIX – начало XX века). Иркутск, 1986. 168 с.

Дашковский, Шершнева, 2014 – Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Мусульмане Западной Сибири в вооруженных силах российской империи во второй половине XIX - начале XX в. // *Вестник алтайской науки*. 2014. № 1 (19). С. 29-33.

Духовные ценности ислама, 2008 – Духовные ценности ислама и образование: историко-культурная традиция и современность / отв.ред. С.С. Аванесов, Т.А. Костюкова. Томск, 2008. 246 с.

Жильцов, 2007 – Жильцов К.В. Генералы мусульманского вероисповедания в российской армии в 1905–1914 годах // *Вопросы истории*. 2007. №12. С. 130–135.

Загидуллин, 2006 – Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006. 462 с.

Загидуллин, 2009 – Загидуллин И.К. Особенности соблюдения религиозных прав мусульман в российской сухопутной регулярной армии в 1874–1914 г. // *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*. 2009. Вып. 10. [Электронный ресурс]. URL: <http://pipss.revues.org/3745> (дата обращения: 12.04.2014)

Исхаков, 2004 – Исхаков С.М. Вместе или порознь. Тюрки-мусульмане в российской армии в 1914–1918 годы // *Татарский мир*. 2004. №15. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=592&section=0&heading=0> (дата обращения: 24.08.2013)

Исхаков, 1999 – Исхаков С.М. Первая мировая война глазами российских мусульман // *Россия и первая мировая война. Материалы международного научного colloquiuma*. СПб., 1999. С. 419–431.

Исхаков, 2007 – Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М., 2007. 400 с.

Маркова, 2007 – Маркова М.Ф. Культурно-просветительская и общественная деятельность мусульман г. Томска в начале XX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 305. С. 75–78.

Нам, 2000 – Нам И.В. Татарские школы в дореволюционном Томске // *Мы – томичи, ваши земляки, ваши соседи (Национально-культурная панорама Томской области)*. Томск, 2000. С. 73–86.

Нам, 2009 – Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск, 2009. 500 с.

Национальная политика России, 1997 – Национальная политика России: история и современность. М., 1997. 680 с.

Полное собрание законов Российской империи, 1908 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1908. Собрание III. Т. XXV. 966 с.

Полное собрание законов Российской империи, 1911 – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1911. Собрание III. Т. XXVIII. Ч. 1. 1008 с.

Практ, 2011 – Практ Д.В. Традиционное образование мусульманской России на рубеже XIX–XX вв. // *Религиоведение*. 2011. № 1. С. 32–38

Свод законов Российской империи, 1912 – Свод законов Российской империи. СПб., 1912. Т. 5. 780 с.

Сенюткина, 2006 – Сенюткина О.Н. Ислам и мусульмане в Вооруженных Силах России: история и современность // *Рамазановские чтения*. Н.-Новгород, 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/1/vs.htm? (дата обращения: 15.11.2013)

Файзрахманов, 2002 – Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времен до начала XX века). Казань, 2002. 488 с.

Фархитанов, 2006 – Фархитанов М.Н. Мусульманское духовенство // *Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь*. М., 2006. С. 286–292

Христианское просвещение, 2012 – Христианское просвещение и религиозные движения (реисламизация) крещеных татар в XIX – начале XX вв. Сборник материалов и документов / Сост. Р.Р. Исхаков. Казань, 2012. 412 с.

ЦГИА РБ – Центральной государственной исторический архив Республики Башкортостан.

Шершнева, 2011 – Шершнева Е.А. Мусульманское образование в Западной Сибири в XIX - начале XX в. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2011. №4/1. С. 68–71.

Dashkovskii, Shershneva, 2015 – Dashkovskii P.K., Shershneva E.A. Policy of the Russian state control over the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries. // *Bylye Gody*, 2015, Vol. 36, Is. 2, pp. 338–346.

References

Abdullin, 2006 – Abdullin Kh.M. (2006). Musul'manskoe voennoe dukhovenstvo v kontse XIX – nachale XX vekov [Muslim military clergy in the late XIX – early XX centuries]. *Tatar Muslim congregations in the Russian Empire* / ed. ed. and comp. I.K. Zagidullin. Kazan, pp. 271–276 [in Russian]

Abdullin, 2007 – Abdullin Kh.M. (2007). Voinskaia sluzhba krymskikh tatar v Rossiiskoi imperii [Military service of the Crimean Tatars in the Russian Empire]. *Military history journal*, Nr. 1, pp. 49–54 [in Russian]

- Alektorov, 1906** – *Alektorov A.E.* (1906). Inorodtsy v Rossii [Foreigners in Russia]. SPb., 134 p. [in Russian]
- Andreev, 1994** – *Andreev S.M.* (1994). Kazaki-musul'mane v Sibirskom kazach'em voiske (vtoraia polovina XIX – nachalo XX vekov) [Cossacks-Muslims in the Siberian Cossack army (second half of XIX – beginning of XX centuries)]. *Islam, society, culture* / ed. N.A. Tomilov, A.G. Seleznev. Omsk, pp. 5–8 [in Russian]
- Burdina, 2007** – *Burdina E.L.* (2007). Pozitsiia rossiiskogo praviel'stva po voprosu "inorodcheskogo" obrazovaniia v nachale XX veka [The Russian government's position on the issue of "non-Russian" education in the early twentieth century]. *The issue of education*, Nr. 3, pp. 278–287 [in Russian]
- Gasprinskii, 1992** – *Gasprinskii I.B.* (1992). Russkoe musul'manstvo [Russian Islam]. *The ethnographic review*, Nr. 6, pp. 110–116 [in Russian]
- Gataullina, 2008** – *Gataullina L.R.* (2008). Tatarskaia pressa 1914–1915 gg. ob otnoshenii rossiiskikh musul'man k Pervoi mirovoi voine [The Tatar press of 1914–1915, the attitude of Russian Muslims in the First world war]. *Note the scientists of the Kazan University. Series: Humanitarian Sciences*, Nr. 1, pp. 133–139 [in Russian]
- GBUTO** – Gosudarstvennoe bjudzhetnoe arhivnoe uchrezhdenie g. Tobol'ska [The state budget of the archival institution Tobolsk].
- GATO** – Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State archive of Tomsk region].
- Dameshek, 1986** – *Dameshek L.M.* (1986). Vnutrenniaia politika tsarizma i nardy Sibiri (XIX – nachalo XX veka) [Domestic policy of tsarism and backgammon Siberia (XIX – early XX century)]. Irkutsk, 168 p. [in Russian]
- Dashkovskii, Shershneva, 2014** – *Dashkovskii P.K., Shershneva E.A.* (2014). Musul'mane Zapadnoi Sibiri v vooruzhennykh silakh rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [The Muslims of Western Siberia in the armed forces of the Russian Empire in the second half of XIX - early XX century]. *Bulletin of the Altai science*, Nr. 1 (19), pp. 29–33 [in Russian]
- Dashkovskii, Shershneva, 2015** – *Dashkovskii P.K., Shershneva E.A.* (2015). Policy of the Russian state control over the religious life of Muslim communities in Western Siberia in the second half of XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*, Vol. 36, Is. 2, pp. 338–346.
- Dukhovnye tsennosti islama i obrazovanie, 2008** – *Dukhovnye tsennosti islama i obrazovanie: istoriko-kul'turnaia traditsiia i sovremennost'* [Spiritual values of Islam and education: historical and cultural tradition and modernity] / ed.ed. S.S. Avanesov, T.A. Kostyukova. Tomsk, 2008. 246 p. [in Russian]
- Zhil'tsov, 2007** – *Zhil'tsov K.V.* (2007). Generaly musul'manskogo veroispovedaniia v rossiiskoi armii v 1905–1914 godakh [The generals of the Muslim faith in the Russian army in 1905–1914 years]. *Questions of history*, Nr. 12, pp. 130–135 [in Russian]
- Zagidullin, 2006** – *Zagidullin I.K.* (2006). Musul'manskoe bogoslužhenie v uchrezhdeniiakh Rossiiskoi imperii (Evropeiskaia chast' Rossii i Sibir'). [Muslim worship in the institutions of the Russian Empire (European part of Russia and Siberia)]. Kazan, 462 p. [in Russian]
- Zagidullin, 2009** – *Zagidullin I.K.* (2009). Osobennosti sobliudeniia religioznykh prav musul'man v rossiiskoi sukhoputnoi zhreguliarnoi armii v 1874–1914 g. [Features of the observance of the religious rights of Muslims in the land of Russian regular army in 1874–1914 G.]. *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies*, Vol. 10. [Electronic resource] // <http://pipss.revues.org/3745> (accessed on 12.04.2014) [in Russian]
- Iskhakov, 2004** – *Iskhakov S.M.* Vmeste ili porozn'. Tiurki-musul'mane v rossiiskoi armii v 1914–1918 gody [Together or apart. Turkic Muslims in the Russian army in 1914 – 1918]. *Tatar world*, 2004, Nr. 15. [Electronic resource]. URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=592&section=0&heading=0> (accessed on 24.08.2013) [in Russian]
- Iskhakov, 1999** – *Iskhakov S.M.* (1999). Pervaia mirovaia voina glazami rossiiskikh musul'man [The first world war through the eyes of Russian Muslims]. *Russia and the first world war. Materials of the international scientific Colloquium*. SPb., pp. 419–431 [in Russian]
- Iskhakov, 2007** – *Iskhakov S.M.* (2007). Pervaia russkaia revoliutsiia i musul'mane Rossiiskoi imperii [The first Russian revolution and the Muslims of the Russian Empire]. M., 400 p. [in Russian]
- Markova, 2007** – *Markova M.F.* (2007). Kul'turno-prosvetitel'skaia i obshchestvennaia deiatel'nost' musul'man g. Tomsk v nachale XX v. [Cultural, educational and social activities of Muslims of Tomsk in the beginning of XX century]. *Herald of Tomsk state University*, Nr. 305, pp. 75–78 [in Russian]
- Nam, 2000** – *Nam I.V.* (2000). Tatarskie shkoly v dorevoliutsionnom Tomске [Tatar schools in pre-revolutionary Tomsk]. // *We – the residents, your countrymen, your neighbors (the National cultural panorama of Tomsk region)*. Tomsk, pp. 73–86 [in Russian]
- Nam, 2009** – *Nam I.V.* (2009). Natsional'nye men'shinstva Sibiri i dal'nego Vostoka na istoricheskom perelome (1917–1922 gg.) [National minorities of Siberia and the far East at a historic turning point (1917–1922)]. Tomsk, 500 p. [in Russian]
- Natsional'naia politika Rossii, 1997** – *Natsional'naia politika Rossii: istoriia i sovremennost'* [National policy of Russia: history and modernity]. M., 1997. 680 p. [in Russian]
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1908** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1908. The meeting III. T. XXV. 966 p. [in Russian]
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, 1911** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb., 1911. The meeting III. T. XXVIII. Part. 1. 1008 p. [in Russian]

Prakht, 2011 – *Prakht D.V.* Traditsionnoe obrazovanie musul'manskoj Rossii na rubezhe XIX–XX vv. [Traditional Muslim education in Russia at the turn of XIX–XX centuries]. *Religious studies*, 2011, Nr. 1, pp. 32–38 [in Russian]

Svod zakonov Rossijskoj imperii, 1912 – Svod zakonov Rossijskoj imperii [The laws of the Russian Empire]. SPb., 1912. Vol. 5. 780 p. [in Russian]

Seniutkina, 2006 – *Seniutkina O.N.* Islam i musul'mane v Vooruzhennykh Silakh Rossii: istoriia i sovremennost' [Islam and Muslims in the Armed Forces of Russia: history and modernity]. Ramadanovski reading. N.-Novgorod, 2006. [Electronic resource] // http://www.idmedina.ru/books/history_culture/ramazan/1/vs.htm? (date of access: 15.11.2013) [in Russian]

Faizrakhmanov, 2002 – *Faizrakhmanov G.L.* (2002). Istoriia sibirskikh tatar (s drevneishikh vremen do nachala XX veka) [History of the Siberian Tatars (from ancient times to early XX century)]. Kazan, 488 p. [in Russian]

Farkhshtanov, 2006 – *Farkhshtanov M.N.* (2006). Musul'manskoe dukhovenstvo [The Muslim clergy]. Islam on the territory of the former Russian Empire: Encyclopaedic dictionary. M., pp. 286–292 [in Russian]

Khristianskoe prosveshchenie, 2012 – Khristianskoe prosveshchenie i religioznye dvizheniia (reislamizatsiia) kreshchenykh tatar v XIX – nachale XX vv. [Christian education and religious movements (reislamisation) baptized Tatars in the XIX – early XX centuries]. The collection of materials and documents. Kazan, 2012. 412 p. [in Russian]

CGIA RB – Central'noj gosudarstvennoj istoricheskij arhiv Respubliki Bashkortostan [Central state historical archive of Republic Bashkortostan].

Shershneva, 2011 – *Shershneva E.A.* (2011). Musul'manskoe obrazovanie v Zapadnoi Sibiri v XIX - nachale XX v. [Muslim education in Western Siberia in the XIX - early XX century]. *News of Altai state University*, Nr. 4/1, pp. 68–71 [in Russian]

УДК 904

Влияние государственно-конфессиональной политики на положение мусульманских общин Западной Сибири в 1905 – начале 1917 гг.

Петр Константинович Дашковский^{a, *}, Елена Александровна Шершнёва^a

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается положение мусульманских общин Западной Сибири в период между двух русских революций (1905 – начало 1917 гг.) в рамках проводимой правительством государственно-конфессиональной политики. На основе анализа архивных документов и правовых актов авторы приходят к выводу, что отношение государства к мусульманам на территории Российской империи, несмотря на все политические преобразования, строилась на попытках консолидации инородческого компонента с русским этносом. События 1905 г. зародили у мусульманской части населения страны надежду на изменения своего положения и усилили желание получить религиозную автономию. Однако правительство по-прежнему выстраивало свою политику так, что контролировало практически все сферы жизни мусульманской общины. События Первой русской революции способствовали зарождению активности в мусульманской среде в отстаивании своих прав, что привело к проявлению некоторых послаблений со стороны государства в отношении уммы. Именно в этот период мусульмане видят возможность отстаивания своих прав на законодательном уровне, формируют собственные общественно-политические движения и входят в состав Государственной Думы. Достаточно заметным было участие мусульман в русской армии в годы Первой мировой войны. В этой связи не случайно мусульмане получили право на совершение молитв и допущение священнослужителей мусульманского вероисповедания в войска. При этом они уравнивались в правах с полковыми священниками. В тоже время, несмотря на активную позицию мусульманской общественности, тем не менее, к началу 1917 г. осталось еще достаточно много нерешенных вопросов и проблем, связанных с устройством жизни мусульманских общин. При этом одной из наиболее сложных и не разрешенных проблем оставалась проблема национального образования для инородческого населения, исповедующего ислам.

Ключевые слова: ислам, Российская империя, государственно-конфессиональная политика, мулла, медресе, Западная Сибирь.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: dashkovskiy@fpm.asu.ru (П.К. Дашковский), D2703@yandex.ru (Е.А. Шершнёва)